

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 11-го марта 1904 года.

Инородцы острова Сахалина.

В настоящее время, когда всеобщее вниманіе приковано къ событіямъ на Дальнемъ Востоке, когда съ болѣзненнымъ напряженіемъ приходится слѣдить за дѣйствіями японцевъ около нашихъ материковыхъ владѣній, огромный Сахалинъ остается какъ то въ тѣни. Между тѣмъ этотъ островъ имѣетъ для Японіи, пожалуй, болѣе значеніе, чѣмъ наше вліаніе на слабую Корею или очищеніе Маньчжуріи. Въ самомъ дѣлѣ, всего 40-верстное разстояніе отдѣляетъ Японію отъ Сахалина, въ прибрежныхъ водахъ котораго ежегодно вылавливается японскими промышленниками милліоны пудовъ различной рыбы. Этой рыбой питается непосредственно почти половина населенія сѣверной Японіи, благодаря той же рыбѣ въ видѣ удобительнаго тука японскія поля даютъ обильные урожаи лучшаго въ мірѣ риса.

По петербургскому трактату 1875 г. Сахалинъ былъ уступленъ японцамъ въ безраздѣльное владѣніе русскихъ взаменъ Курильскихъ острововъ. За послѣднее десятилѣтіе японцы вполнѣ оцѣнили экономическое значеніе потерянаго ими острова. Почти съ началомъ каждаго рыболовнаго сезона японское правительство вступало въ энергичные переговоры съ нашими властями относительно условій допущенія японцевъ къ рыбачьей промысловъ у береговъ Сахалина. Ежегодно обострялись взаимныя отношенія и конфликты устраивались временными мѣрами. Тенерешняя война, полагаемъ, приведетъ въ этомъ отношеніи къ какому либо окончательному результату.

Въ теченіе тридцатилѣтняго владѣнія островомъ мы не приспосадились къ пользованію естественными богатствами его и затрачиваемъ милліоны рублей на прокормленіе невольныхъ колонизаторовъ. По общимъ отзывамъ заслѣдователей жизни сельскаго населенія представляеть здѣсь тѣсную картину нищеты и неурядицъ. Еще въ худшемъ положеніи находится инородцы—эти первые насельники острова.

Инородческое населеніе состоитъ изъ пяти племенъ: гиляковъ, ороченъ, айно, тунгузовъ и якутовъ. Вполнѣ точныхъ свѣдѣній о количествѣ каждаго племени нѣтъ, но по значительнымъ достовернымъ даннымъ за 1898 г. инородческое населеніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Гиляки.	1085	827
Айно	1129	обоего пола
Ороченъ	410	363
Тунгузы	86	71
Якуты	10	3

Гиляки живутъ по западному побережью острова отъ селенія Арково до мыса Маріи и по восточному—отъ бассейна р. Тами до мыса Левенштерна. Главное занятіе ихъ рыболовство и районы, ими занимаемый, представляеть для этого весьма благоприятныя условія. Холоднымъ теченіемъ Охотскаго моря приноситъ полчища разнообразной рыбы, перидически наполняющей воды морей и рѣкъ. За рыбой слѣдуютъ ея обычные потребители: тюлени, бѣлуги, сивучи, касатки и другія млекопитающія.

Хорошимъ или плохимъ уловомъ рыбы опредѣляется все благосостояніе гиляка, такъ какъ только рыба служитъ и предметомъ непосредственнаго питанія, и предметомъ обмена. Рыба потребляется во всѣхъ видахъ, за исключеніемъ

соленой. Впрокъ заготавливается обыкновенно сушеная рыба или такъ называемая юкола. Часть запаса юколы идетъ на питаніе людей и прокормленіе собакъ, а часть сбывается материковымъ инородцамъ. Изъ костей и головъ горбуши и кеты гиляки вывариваютъ освѣтительный жиръ. Калуга, кромѣ клея, доставляеть

Для ловли рыбы въ рѣкахъ гиляки употребляютъ подсѣкъ, крючекъ, четырехугольную сѣть и заѣдокъ. Подсѣкомъ (черпакомъ) вылавливается корюшка; крючкомъ на жерди—кета, горбуша, кудика и гои; а заѣдокъ, въ родѣ морды съ коранной, ставится на ходу красноперки. При морскомъ промыслѣ вахля ловится удочкой (до 300 штукъ въ день); палтусъ—большимъ крючкомъ; нерпа—острогомъ, состоящей изъ гаргуна, лядеобразной части и тонкой жерди на длинномъ ремнѣ; красная рыба—особаго устройства небольшою сѣтью; сивучей—бютой палками въ ихъ ложбинахъ.

Гиляки живутъ небольшими поселками различной величины. Богатѣйшіе изъ нихъ: Теньги, Тамлаво и Няни-во. Поселокъ состоитъ изъ беспорядочно разбросанныхъ юртъ, въ каждой изъ которыхъ живетъ нѣсколько семействъ, связанныхъ общимъ родствомъ. Зимнія юрты представляють изъ себя большія землянки, а иногда прямоугольные срубы съ двухскатной крышей. Въ зимнихъ юртахъ встрѣчается подобіе отопленія по маньчжурскому образцу, т. е. посредствомъ глиняныхъ дымоходныхъ трубъ отъ очага, проводимыхъ подъ нарами. Последнія дѣлаются на высотѣ до полуаршина отъ пола по тремъ стѣнамъ юрты и расположенныя противъ входа считаются наиболее почетными.

Лѣтнія юрты строятся изъ тонкихъ жердей и ставятся на свайныхъ столбахъ, на высотѣ до 2 аршинъ надъ землею, вблизи рѣчекъ, озера или моря. Дѣлаются эти юрты во избѣжаніе подмыванія водою, отчасти съ цѣлю обезпеченія запасовъ отъ промокчивости крышъ. Въ поднятую юрту ведетъ оригинальная лѣстница въ видѣ бревна съ болѣе или менѣе глубокими насѣчками.

Посрединѣ юрты устраивается очагъ, а вокругъ нея располагаются вѣшалки для просушки рыбы и амбары для храненія запасовъ. Дымъ выходитъ черезъ отверстіе въ потолкѣ или крышѣ; слабый свѣтъ проникаетъ въ жилище сквозь небольшія окошки, затянутыя рыбьей кожей. На нарахъ у очага люди проводятъ день и ночь; тутъ же кладется одежда, оружіе, снасти и незатѣйливая посуда, состоящая изъ пазурей, берестовыхъ издѣлій, нѣсколькихъ японскихъ чайниковъ, желѣзнаго котла и немногихъ чашекъ. Дымно, темно и грязно здѣсь.

Одежда гиляковъ, какъ и другихъ сахалинскихъ инородцевъ, не представляеть чего либо интереснаго. Зимой носится меховой армякъ, юбка котораго доходитъ до коленъ и составляется изъ перпичьихъ шкурки. Мѣховые сапоги, шапка и набеленники дополняютъ костюмъ. На поясѣ виситъ ножъ, за паузой всегда есть трубка и табакъ. Нижняя рубашка и короткіе кальсоны шьются изъ русскихъ и китайскихъ матерій. Изъ нихъ же шьется лѣтнее платье. Въ болѣе шомъ ходу также арестантское сукно. Платье женщинъ отличается отъ мужского только обиліемъ украшеній, вышивокъ, узоровъ, блухъ, ракушекъ. Кожа составляетъ принадлежность мужчинъ, а не женщинъ, которая свои волосы въ беспорядкѣ закручиваетъ вокругъ головы.

Семейная жизнь гиляковъ носитъ слѣды взаимной любви супруговъ и уваженія къ старшимъ. Жена покупается за большой калымъ, почему нерѣдко она приобрѣтается въ дѣтскомъ возрастѣ, когда стоитъ подмелева. Встрѣчается многоженство. Бракъ заключается безъ всякихъ обрядностей и непременно между лицами, не принадлежащими къ одному роду. Еще до сихъ поръ практикуется похищеніе женщинъ. Невѣрность наказывается смертью. Въ родствѣ сохранились черты когда-то бывшаго группово-

Гилякъ.
(Изъ коллекціи г. фонъ-Френкель.)

Гиляки.
(Изъ коллекціи г. фонъ-Френкель.)

хрищъ, сбываемый въ Маньчжурію по 3 руб. за фунтъ. Нерпы, бѣлуги и тюлени даютъ жиръ, который частью продается въ г. Николаевскѣ въ качествѣ смазочнаго масла для сибирскихъ заводовъ, частью служитъ для собственнаго потребленія въ видѣ лаковой приправы къ животной и растительной пищѣ. Шкуры нерпы и другихъ млекопитающихъ находятъ постоянный сбытъ по цѣнѣ до 3-хъ рублей каждая, а такъ же остаются для собственнаго надобностей.

Около сахалинскихъ береговъ рыба держится почти круглый годъ. Наибольшее промысловое значеніе имѣетъ ходъ сельди и красной рыбы (кета и горбуша). Сельдь подходитъ къ берегамъ два раза; весной, начиная съ апрѣля, и лѣтомъ. Горбуша идетъ въ июлѣ и юлѣ; ходъ кеты происходитъ съ начала юня до половины сентября. Въ январѣ, февралѣ и отчасти въ мартѣ идетъ вахля (родъ наваги), немного позже—корюшка; въ концѣ марта и началѣ апрѣля начинается ледоходъ и появляются нерпы; въ маѣ къ берегамъ приближается огромный палтусъ, достигающій до 3½ пудовъ.

го брака, въ силу котораго мужъ имѣлъ право на сестеръ своей жены, равно какъ послѣдняя принадлежала всѣмъ его братьямъ. Вся тяжесть домашнихъ работъ безраздѣльно падаетъ на женщину; она готовитъ запасы юкеры, плететъ сѣти, шьетъ, стряпаетъ, собираетъ на зиму ягоды и корни.

Родовая связь поддерживается взаимопомощью, общими жертвоприношениями и празднествами. Раньше среди родовой господствовала обычай кровной мести, теперь онъ замѣнился выкупомъ. Гиляки обоготворяютъ природу, имѣютъ понятіе о добрыхъ и злыхъ духахъ и вѣрятъ въ переселеніе душъ. Главныя жертвоприношенія совершаются въ честь „хозяйина лѣсовъ“ и въ честь „хозяйина морей“. Самый торжественный праздникъ—это медвѣжій, происходящій обыкновенно въ среднѣ зимы.

Еще задолго до праздника каждый родъ старается приобрести медвѣдя. Послѣдній содержится въ особую устроившій срубъ и тщательно подкармливается. Къ назначенному дню родичи и приглашенные гости собираются въ определенное мѣсто. Начинается праздникъ съ того, что выводятъ медвѣда изъ сруба, призывая къ колыбѣ и наиболее известные стрѣлки стрѣляютъ въ него изъ лука. При этомъ женщины не присутствуютъ. Убивши животное его свѣзжаютъ, шкуру съ головой торжественно вносятъ въ юрту, а мясо зажариваютъ на огнѣ, добытомъ непременно посредствомъ родового огня. Въ трапезѣ участвуютъ и женщины. Мясо праздничного медвѣдя поѣдается бромъ присутствующими и не можетъ быть брошено собакамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней

къ разведенію картофеля, но его культура не привилась. Да и понятно. Гиляки отдаленныхъ поселеній не имѣютъ возможности приобрести сѣмена, къ тому же по условіямъ рыболовного промысла не хватаетъ времени на уходъ за огородами. Живущіе же вблизи русскихъ поселковъ обмѣниваютъ предметы рыболовства на картофель, сукно, сахаръ, чай, муку, хлѣбъ и т. д. или приобретаютъ все необходимое за па-

движеніе производится на долбежкахъ. Въ послѣднихъ помѣщается одинъ человѣкъ, гребушій короткими весломъ, на обѣ стороны попеременно.

Н. Новомбергскій.

(Продолженіе будетъ).

Въ Усинскій край.

3. Усинское.

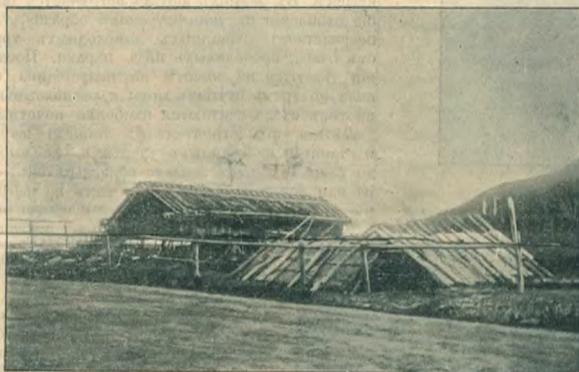
(Продолженіе.—см. иллюстр. прилож. къ № 8).

Медвѣжій „праздникъ“ (рис. 1).
(Изъ коллекціи д-ра Волкенштейна).

Селеніе *Верхне-Усинское* расположено на лѣвомъ берегу быстрого *Усы*, тамъ, гдѣ русло рѣки въ степной долинѣ разбивается на нѣсколько протоковъ, образуя низкіе острова, поросшіе тальниками, тополемъ и отчасти хвойными деревьями. Въ верстѣ отъ него на правомъ берегу рѣки находится меньшее селеніе *Нижне-Усинское*. Оба селенія соединены между собою пѣшеходными мостами, перекинутыми черезъ протоки, а во время послѣдняго столкновенія съ Китаемъ, когда здѣсь стояла сотня казачковъ, въ лѣсной заросли острововъ была прорублена просѣлка для сигнализациі между селеніями на случай внезапнаго нападенія съ стороны нѣмцевъ на охраняемой границѣ.

По южную сторону отъ селенія *Верхне-Усинскаго* раскинулась ровная степь, кое-гдѣ съ остатками пней лиственницы, загороженная съ юга отрогами послѣдняго погранич-

Гиляцкая юрта.
(Изъ коллекціи г. фонъ-Фришега).

Медвѣжій праздникъ (рис. 3).
(Изъ коллекціи д-ра Волкенштейна).

продолжается празднество, которое разнообразяется бѣгами, состязаніемъ и музыкальн. звуковъ, получаемыхъ при ударахъ палочками о подвѣшанное сухое бревенцо.

Среди гиляковъ съ удивительно послѣдовательно проводится нѣчто близкое къ родовому культу. Умершіе сжигаются огнемъ, добываемымъ посредствомъ тренія. вмѣсто могильной насыпи устраивается срубъ, гдѣ помѣщается кукла, одежды покойника и утварь. Умершіе вдалекѣ непременно перевозятся на родину, а въ крайнемъ случаѣ перевозится пепелъ отъ сожженія, который вѣтками помѣщается на родовомъ кладбищѣ. Въ знакъ траура по умершимъ распускаются волосы. Бываютъ случаи, что оставшіеся въ живыхъ супруги накладываютъ на себя руки, не желая пережить своего горя.

Гиляки отличаются гостеприимствомъ, прямою и честностію. О преступленіяхъ между ними не слышно. Взаимная мелкая обиды улаживаются по рѣшеніямъ родовой. Впрочемъ, вліяніе русскихъ поселенцевъ сильно сказалось на чистотѣ нравовъ этихъ инородцевъ. Къ характеристикѣ гиляковъ слѣдуетъ еще добавить, что они отличные плотники, кузнецы и рѣзчики. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ по русски и даже служили тюремными надзирателями. Мы встрѣчались съ гилякскими юношей, воспитанными изслѣдователемъ г. Пилсудскимъ, который производилъ впечатлѣніе вполнѣ интеллигентнаго человѣка. Онъ мечталъ сдѣлаться народнымъ учителемъ среди своихъ соплеменниковъ, но, къ сожалѣнію, безвремено погибъ во Владивостокѣ.

Подъ вліяніемъ русскихъ, особенно изслѣдователя г. Пилсудскаго, гиляки обратились

личныя, выручаемыя отъ продажи продуктовъ своихъ исконныхъ занятій. Кроме того, у гиляковъ не выработалась привычка къ питанію картофелемъ. Саранка, черемша, дикій лукъ, ягоды, находимые въ изобиліи и заготавливаемые впрокъ, вполнѣ пока замѣняютъ наши огородные сборы.

Медвѣжій праздникъ (рис. 2).
(Изъ коллекціи д-ра Волкенштейна).

Неразлучный другъ гиляка—это собака. Она доставляетъ мѣхъ для одежды и служитъ для передвиженія на нартахъ, въ которыхъ впрягается отъ 5 до 15 собакъ на каждую. Нарта несетъ съ быстротою болѣе 10 верстъ въ часъ, но вслѣдствіе неудобства запряжки собаки скоро устаютъ (тинутъ шеей, а не грудью). Для морскаго плаванія употребляется большая лодка маньчжурскаго образца, по рѣчкамъ пере-

наго хребта Саяновъ. Два невысокихъ отрога, подходя къ самой рѣкѣ, ограничиваютъ Усинскую степь съ востока и запада на разстояніи около 10 верстъ одинъ отъ другого. Степь пересѣкается двумя небольшими протоками *Усы* *Узкопои* и *Макаровой*; послѣдняя впадаетъ въ восточнаго конца селенія. Степь, примыкающая къ селенію *Нижне-Усинскому*—меньшихъ размеровъ и кроме того разбивается огромнымъ *Мирскаго* хребта на дѣль части. Травяной покровъ Усинской долины имѣетъ степной характеръ; здѣсь кое-гдѣ можно видѣть даже эдельвейсъ, характерный для болѣе низкихъ приенисейскихъ степей.

Мало лѣственные окрестные отроги горъ сложены изъ красныхъ и сѣрыхъ известняковъ, подосланныхъ глинистыми сланцами; известняки простираются внизъ по *Усу* верстъ на 20, приблизительно до устья р. *Теплой*, гдѣ можно на вершинѣ одной сопки найти окаменѣлости. Съ восточной стороны р. *Мирской* довольно высоко надъ лѣвостой долиной въ отвѣсной стѣнѣ красныхъ известняковъ недавно найдены неглубокія пещеры.

Сухіе склоны горъ мѣстами обильно покрыты кустарниками; около упомянутыхъ выше пещеръ слетаются въ трудно-проходимыя заросли ямолость (*Lonicera coerulea*), таволга (*Spiraea hircensis*), черная кислица (*Kizyrgan*—*Ribes petreum*), крыжовникъ (*Ribes aciculare*), кизильникъ (*coloneastes vulgaris*) и др.

Выше по хребтамъ темнѣютъ лѣса косматыхъ кедровъ, къ сожалѣнію, часто посѣщаемыхъ пожарами.

Такова въ общихъ чертахъ рамка единственнаго населеннаго пункта этой части Саянъ.

Верхне-Усинское (рис. 1) протянулось вдоль берега рѣки около версты и состоит из главной улицы и двух добавочных, выходящих на площадь, лежащую в центральной части селения. Дома частью сельского типа, частью напоминают постройки захолустного городка; все деревянные. На площади отдельно стоит новый молитвенный домъ (получерковь), выстроенный временно взаменъ сгорѣвшей церкви (рис. 2). Тутъ же на площади съ одной стороны Управление Усинскаго округа, съ другой—новое и довольно просторное здание школы. Зелени на улицахъ мало, только докъ священника густо обсаженъ деревьями. Быстрый прозрачный Усь часто мѣняетъ свое русло, забрасываетъ однѣ протоки и расширяетъ или создаетъ новыя. Въ настоящее время рѣка сильно подымаетъ селеніе и потребовалось укрѣпить берега деревянными срубамъ, что бы ослабить напоръ воды. Къ веснѣ вода въ Усу сильно убываетъ, настолько, что вскрытій рѣки собственно говоря не бываетъ, а переломавшійся ледъ таетъ на мѣстѣ.

Все население Усинскаго края считалъ два селенія, займи и золотые прииски по рѣчкѣ Золотой въ 80 верстахъ отъ Верхне-Усинскаго, едва-ли простирается выше 3000 человекъ и состоитъ на половину изъ раскольниковъ, какъ въ большей части аванпостовъ русской свободной колонизаціи (ср. Алтай). Первыми

несмотря на то, что Усинское лежитъ всего на высотѣ около 600 метровъ надъ уровнемъ моря,—тогда какъ въ Уймонской степи, поднимающейся до 1000 метровъ и въ селеніи Берельскомъ, лежащемъ выше 1200 метровъ надъ уровнемъ моря, хлѣбопашество идетъ довольно успешно, и хлѣбъ примерзаетъ рѣдко. Такъ сказывается сравнительная широта мѣстности, а можетъ быть и болѣе восточное положеніе.

Нижняя долина р. Мирской.

Новый трудъ Д. И. Менделѣва.

Семидесятилѣтній юбилей знаменитаго русскаго химика, сибиряка по рожденію, Д. И. Менделѣва, былъ отпразднованъ 27 января н. г. Не только изъ разныхъ мѣстъ Россіи, но и изъ заграничій маститый юбиляръ получилъ массу привѣтствій, изъ коихъ могъ убѣдиться, что его научные труды нашли достойную оцѣнку и признаніе ихъ громадной важности.

Начало русско-японской войны, совпавшее съ юбилейнымъ днемъ, не могло не отвлечь въ значительной степени вниманій русскаго общества отъ выраженій интереса къ личности юбиляра, чѣмъ и нужно объяснить сравнительную скудость литературнаго матеріала, посвященнаго Менделѣву.

Наше изданіе въ приложеніи IV отъ 25 января н. г. дало читателямъ портретъ Менделѣва и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія въ статьѣ проф. Михайленко. Жизнь Менделѣва, какъ представителя науки, тѣсно связана съ его многочисленными научными трудами, одно перечисленіе которыхъ наглядно показало-бы, какую массу времени онъ провелъ въ лабораторіи и кабинетѣ, занимаясь изслѣдованіемъ специально научныхъ и техническихъ вопросовъ.

Рис. 1. Верхне-Усинское.

Рис. 2. Молитвенный домъ въ В.-Усинскомъ.

населенными здѣсь были только раскольники, а мирные присоединились впоследствии. Объ этомъ говоритъ, какъ названіе рѣки *Мирской*, такъ и выраженіе, принятое здѣсь,—„ѣхать въ миръ или прѣѣхали изъ міру“, т. е. изъ Минусинскаго уѣзда или вообще изъ населенной „мирской“ части Сибіри.

Раскольники, пришедшіе сюда въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, встрѣтились съ кочевымъ племенемъ Сойотовъ, но постепенно вытѣснили ихъ мирнымъ путемъ; Сойоты ушли за границу, и лишь немногіе изъ нихъ остались въ качествѣ пастуховъ или работниковъ у русскихъ пришельцевъ (рис. 3). Раскольничье населеніе на первыхъ же порахъ занялось весьма выгодной мѣховою торговлею съ сойотами, чѣмъ и объясняется ихъ большая достаточность по сравненію съ позднѣе переселившимися сюда мирянами. Главныя секты, о которыхъ здѣсь упоминаютъ, это: Австрійская съ подраздѣленіемъ на Максимовцевъ и согласіе Юсифа и Юва, Бѣглопоповца, Стариковщина и еще кака-то секта, судя по неудобоприводимому названію, близкая къ хлыстовщинѣ. Большой розни между раскольниками и мирянами незаметно, хотя всетаки старожилы относятся нѣсколько недоброжелательно къ новоселамъ, особенно обильно пришедшимъ сюда въ послѣдніе два неурожайныхъ года изъ Минусинскаго уѣзда.

Въ Верхне-Усинскомъ есть двѣ школы, министерская и церковно-приходская и крокъ того—воскресная для взрослыхъ. Интеллигентнѣе селеніе состоитъ изъ священника, пограничнаго начальника, учителя, доктора, нѣсколькихъ купцовъ и золотопромышленниковъ.

Источники существованія населенія довольно разнообразны. *Хлѣбопашествомъ* занимается почти все, распахивая сообразно рабочей силѣ хозяйства отъ 1—20 десятинъ; но земледѣіе здѣсь не можетъ считаться обезпечивающимъ существованіе, потому что ранніе заморозки часто губятъ еще не созрѣвшіе хлѣба. И это

Рис. 3. Сойотъ-работникъ.

Мѣстные жители заѣмали, что въ долиніи по низамъ хлѣбъ примерзаетъ чаще, и поэтому вы видите четырехугольники полевъ, раскинутые по склонамъ отроговъ. Воздѣлываются рожь, пшеница яровая, овесъ и конопля. Овощи также нѣрѣдко прихватываются морозами. Это обстоятельство иллюстрируется и цѣнами на хлѣбъ; послѣдней осенью ржаная мука продавалась по 1 р. 20 коп. за пудъ, а пшеница по 1 р. 60 коп., тогда какъ въ Минусинскѣ ржаная мука продавалась по 35 коп.

В. Сапожниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Но было-бы неправильно смотрѣть на Менделѣва исключительно только какъ на ученаго специалиста и техника. Менделѣвъ имѣетъ настолько богато одаренную натуру, что вопросы жизни въ ея многообразныхъ проявленіяхъ не могли остаться для него чужды и не интересны. Его оригинальный умъ не могъ проходить мимо ихъ, не замѣчая и не опредѣляя къ нимъ своего отношенія.

Занятый вопросами науки и техники, Менделѣвъ рѣдко имѣлъ случай высказывать эти свои взгляды среди широкой публики и дѣлился ими въ тѣсномъ кружкѣ друзей и знакомыхъ или съ молодой аудиторіей при чтеніи своихъ лекцій по химіи.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда Менделѣвъ вмѣсто пера ученаго бралъ перо журналиста, оказывалось, что онъ обладаетъ большимъ популяризаторскимъ талантомъ, оригинальностью социальныхъ воззрѣній, не говоря уже объ оригинальности и энергичности языка. Образцомъ въ этомъ отношеніи могутъ служить, напримѣръ, его статьи о полетѣ на воздушномъ шарѣ 7-го августа 1887 г. во время солнечнаго затмѣнія и о каменноугольномъ донецкомъ бассейнѣ, помѣщенные въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ въ 80-хъ годахъ.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго года на книжномъ рынкѣ появилась чрезвычайно любопытная небольшая работа Менделѣва научно-публицистическаго характера подъ названіемъ: „Завѣтныя мысли Д. Менделѣва“. Спб. 1904 г. стр. 204.

Не имѣя возможности за недостаткомъ мѣста болѣе подробно заняться въ нашемъ изданіи разсмотрѣніемъ этой интересной работы, мы желаемъ только указать на нее читателю и привести нѣсколько отрывковъ, характеризующихъ Менделѣва не какъ ученаго специалиста, а какъ человѣка и публициста. Замѣтимъ, что въ этой работѣ почти каждая страничка указываетъ на самую оригинальную оригинальность автора, на его особый складъ ума, на большую начитанность.

Эта книжка, затрагивающая основные вопросы общественной жизни, любопытна, как литературный труд крупного оригинального ума, получившего обширное естественно-философское образование, доказавшего своей научной деятельностью способность проникать в тайны природы, обладающего даром научного предвидения.

По мысли автора, книжка, заглавие которой мы выше привели, является только началом ряда работ, и желание, чтобы продолжения их не замедляли появляться, весьма естественно для каждого, кому дорого разрашение и освещение социальных вопросов текущей жизни. Эти «заветные мысли» не будут литературным балластом, а лягут цѣнным вкладом, въ этомъ можно поручиться даже судя по началу.

Книжка состоитъ изъ маленькаго предисловія и изъ четырехъ главъ: вступленія, о народонаселеніи, о вѣннѣй торговлѣ, о фабрикахъ и заводахъ.

Характерно для обрисовки личности автора маленькое предисловіе, въ началѣ котораго онъ говоритъ слѣдующее:

«Всегда мнѣ нравились и вѣрныя казались чисто русской совѣтъ Тютчева:

Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои,
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ огнь,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи;
Любуйся ими и молчи.

Но когда кончается седьмой десятокъ лѣтъ, когда мечтательность молодости и казавшаяся опредѣленною рѣшимость архаичныхъ годовъ перемѣнилась въ котлѣ жизненнаго опыта, когда слышишь кругомъ или только нерѣшительный шопотъ или открытый призывъ къ мистическому личному успокоенію, отъ котораго будить лишь гибельная потрясенія и когда въ сознаніи выступаетъ неизбѣжная необходимость и полная естественность прошлыхъ и предстоящихъ постепенныхъ, но рѣшительныхъ перемѣнъ, тогда стараешься забыть, что:

«Мысль изреченная есть ложь», тогда наивѣснее вѣется наружу, боишься согрѣшить замалчиваніемъ и требуется писать «заветныя мысли».

Успѣваю-ль и служило-ль только ихъ выражать?»

Въ концѣ предисловія авторъ говоритъ:

«Не снѣжилъ я никогда, не думаю снѣжить и съ этимъ изданіемъ, тѣмъ болѣе, что текущіе интересы жизни и слабѣющія силы не даютъ на то никакой возможности. Доброй воли кончить начинаемое у меня не отнимутъ ни друзья или единомышленники, ни порицатели, но такъ какъ случай невозможности выполненія всего задуманнаго, говоря вообще, возможенъ, то я стараюсь придать каждой отдѣльной главѣ свою законченность, выражающую хотя часть «заветныхъ мыслей».

Не правда-ли, какими величаемъ спокойствіемъ, сознаніемъ неизбѣжности и естественности жизненнаго конца вѣсть отъ только что приведенныхъ словъ!

Мысль автора въ его книгѣ направлена однако не на подведение итоговъ прожитой жизни, не на подсчетъ прошлаго, она устремлена въ будущее, желаетъ придти на помощь тѣмъ, предъ кѣмъ жизнь открывается еще какъ незнакомая область.

На стр. 13 авторъ говоритъ: «Шаткости въ общихъ мнѣніяхъ и мысляхъ всюду теперь много, вездѣ видна потребность многое старое замѣнить новымъ, а у насъ, особенно въ молодежи, это и подавно. Не мало пережито шаткости мнѣній каждымъ, кому хотѣлось вдуматься съ послѣдніе 20—40 лѣтъ, такъ какъ безъ борьбы мнѣній никому кромѣ отсталыхъ, не разумныхъ и нахалствъ, не достается даже малое успокоеніе въ мысляхъ, не говоря уже о сложившемся твердаго сознательнаго убѣжденія. Своимъ разсмотрѣніемъ вѣкоторыхъ напихившихъ вопросовъ я не надѣюсь совершенно устранить распатанность, зная, что такая попытка никому не по силамъ, мнѣ же желательно по возможности помочь молодежи разобраться въ существующей путаницѣ вѣкоторыхъ общихъ понятий, начиная съ простѣйшихъ, какими я считаю напримѣръ: вопросы о народонаселеніи, о вѣннѣй торговлѣ, о фабрикахъ и заводахъ, объ устройствѣ учебныхъ заведеній и т. п.»

Авторъ является убѣжденнымъ защитникомъ и поборникомъ самаго широкаго народнаго образованія, какъ могучаго фактора увеличенія матеріальныхъ благъ, обуславливающихъ широкое развитіе прогресса, ведущаго къ золотому

вѣку, который лежитъ еще впереди, а не позади, какъ утверждаютъ поэты и моралисты, не желающие считаться съ реальными фактами, выраженными иногда даже численными величинами т. е. въ формѣ, которая представляетъ очевидную убѣдительность. На стр. 99—100 авторъ говоритъ: «Личное благополучіе или счастье опредѣляется съ матеріальной стороны мѣрою развитія желаній и возможностью ихъ удовлетворенія. На низшей ступени, какъ у дитяти, удовлетвореніе потребностей столь вѣнничь, какъ пища, кровъ и одежда, исчерпываютъ все матеріальныя желанія.»

«На высшей же вѣтъ границъ росту желаній и потребностей. Народное благо прежде всего опредѣляется съ уменьшеніемъ, а возрастаніемъ количества и качества желаній и потребностей. И это мнѣ кажется нецѣлѣмъ доказывать по очевидности. Тѣ, кто съ Буддой проповѣдуютъ ничиство для личнаго благополучія, не видятъ того, что при этомъ упускается все общее, и прежде всего сохраненіе самобытности народ-

ша литература такое стремленіе всѣми способами осуждаютъ и, безсильно проповѣдая, стремятся повернуть теченіе въ обратную сторону, обыкновенно такъ или иначе припугивая судакія то свои тѣлесудно духовныя пожеланія, забывалъ, что ни Христосъ, ни Магометъ, ни Конфуцій, ни Будда не забывали городовъ, хотя временно и пребывали въ пустыняхъ, и ни слово не проповѣдали противъ городовъ, хотя и громилъ людскіе пороки, въ городахъ собраныя а потому и болѣе очевидныя.»

Нельзя согласиться съ вѣрностью всѣхъ положеній, высказываемыхъ авторомъ въ его книгѣ. Менделѣевъ на это и не претендуетъ, но по характеру своей аргументаціи, по массѣ вопросовъ, которые онъ обсуждаетъ или только задѣвываетъ вскользь, эта небольшая по объему книжка заслуживаетъ широкаго распространенія. Читатель найдетъ въ ней много новаго, оригинальнаго и поучительнаго.

А Г.—въ.

Къ портрету Д. И. Менделѣева.

При первомъ же извѣстіи о готовящемся юбилеѣ Д. И. Менделѣева мы приняли мѣры къ составленію юбилейнаго номера, и, между прочимъ, обратились въ Петербургъ съ просьбой прислать намъ портретъ нашего химика въ мантіи профессора оксфордскаго университета, по времени до юбилейнаго дня оставалось мало, а разстояніе до Петербурга велико, а потому портретъ запаздывалъ и потому мы даемъ его нашимъ читателямъ только теперь.

Въ 1889 г. Д. И. Менделѣевъ былъ приглашенъ Лондонскимъ королевскимъ институтомъ прочесть лекцію: «Попытка приложенія къ химіи одного изъ началъ естественной философіи Ньютона (текстъ этой лекціи былъ напечатанъ въ 6 № «Сѣвернаго Вѣстника» за 1899 годъ). Въ числѣ оцѣнокъ, оказанныхъ англійскимъ обществомъ русскому ученому, было признаніе его почетнымъ членомъ оксфордскаго университета, и онъ долженъ былъ читать свою лекцію въ среднеанглійской мантіи, въ какия и теперь одѣваются профессора англійскихъ университетовъ въ торжественныхъ случаяхъ.

Чтѣ болѣе это облаченіе уноситъ наше воображеніе отъ родной культурной обстановки, тѣмъ трогательнѣе закупаются знаменитымъ химикомъ память объ убогомъ сибирскомъ городѣ, въ которомъ онъ родился и учился. Въ Тобольской газетѣ «Сибирск. Листокъ» помѣщено письмо Д. И. Менделѣева, написанное имъ въ отвѣтъ на привѣтствіе тобольской гимназіи: «Глубоко тронуть, пишетъ онъ, директору гимназіи, привѣтомъ отъ гимназіи, въ зданіи которой я родился, когда мой отецъ былъ еще директоромъ гимназіи и гдѣ я получилъ первое направленіе своей теперь угасающей жизни».

Въ 70-хъ годахъ Д. И. прочелъ въ Петербургѣ публичную лекцію въ пользу сибиряковъ студентовъ и въ заключеніе поблагодарилъ петербургскую публику за то, что она посвѣщеніемъ его лекціи выразила свое сочувствіе къ его землякамъ, начинающимъ стремиться къ свѣту знанія.

Примѣръ нашего славнаго земляка учитъ насъ не отказываться отъ солидарности съ нашей родной, какъ бы ни была непривлечлива ея вѣннность.

Юбилей заставляетъ задумываться надъ вопросомъ о томъ, какия права имѣетъ область или страна на человѣка, выдавшаго своими способностями и чѣмъ воспитывается въ этомъ человѣкѣ чувство долга передъ своей родной. Разсужденія на эту тему потребовали бы отъ насъ много мѣста, а потому пока ограничимся замѣчаніемъ, что если мы возлагаемъ на своего соотечественника или земляка, какое бы исключительное положеніе онъ не занялъ, обязанность не забывать свою родину, то въ свою очередь, чтобы это право имѣло болѣе основанія, необходимо, чтобы родная среда не была мертвой стихіей, въ которой не пробуждено сознаніе долга служить родному краю. Общество, въ которомъ это знаніе не развито, не въ состояніи импонировать на людей, выдвигающихся изъ него благодаря своимъ дарованіямъ. И наоборотъ, если въ немъ живетъ это сознаніе, какой бы величина гений ни была, онъ всегда будетъ чувствовать власть общества надъ собой.

Г. П.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Д. И. Менделѣевъ.

ной и развитіе просвѣщенія и связанныхъ съ нимъ добродѣтелей. Вотъ если отрицать эту связь, вотъ если вѣрить, что рай сзади, а не впереди, вотъ если забывать плачь отцовъ, матерей и семей, когда гибнутъ люди въ прежніе періоды жизни государствъ, что видно изъ доказаннаго въ статьѣ о народонаселеніи малаго прироста людей въ прежніе періоды исторіи, наконецъ, вотъ когда не вѣрить въ связь между просвѣщеніемъ и удаченіемъ человѣчества— вотъ тогда можно проповѣдовать благо нищенства, не по той логикѣ, что дождя не идетъ, если зонтикъ въ углу, а по той, которая показываетъ дѣйствительное удаченіе правды и всей государственной жизни по мѣрѣ развитія просвѣщенія».

На ростъ городскихъ населеній, какъ центровъ промышленной и духовной дѣятельности, Менделѣевъ смотритъ какъ на явленіе не только понятное, но и желательное. «Тѣсноты людей, говоритъ онъ, не то, что слѣдуетъ избгать, но необходимо искать, чтобы жизнь шла не черепашьимъ шагомъ, а скорымъ современнымъ, быстрымъ». Стр. 47.

По этому же вопросу на стр. 143 заветныхъ мыслей авторъ говоритъ: «Для дѣтей, для удобства жизни, для возможности движенія впередъ и, главное, для развитія общественности люди стремятся изъ деревень въ города, а на-